

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) АН СССР

На правах рукописи

КОЧЕТКОВА
Наталья Дмитриевна

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА
(Эстетические и творческие искания)

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Ленинград
1991

Дорогой Ринне Зиновьевне
Кануновой
по поводу рукописи и отзыва.

Работа выполнена в Отделе новой русской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

3.X.91

В.К.Петухов

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук, профессор	Ф.З.Канунова
Доктор филологических наук, профессор	В.Г.Березина
Доктор филологических наук	С.А.Фомичев

Ведущее научное учреждение: Ленинградский Государственный Университет (Кафедра русской литературы)

Защита состоится "2" декабря 1991 г. в 14 час.
на заседании Специализированного Совета (Д.002.43.02.) по
филологическим наукам в Институте русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР
(199034, Ленинград, наб.Макарова, 4).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

Автореферат разослан " _____ " _____ 199 г.

Ученый секретарь
Специализированного Совета

В.К.Петухов

1-982576к

Диссертация является результатом комплексных исследований, посвященных русской литературе конца XVIII - начала XIX в., преимущественно связанной с сентиментализмом. Постановка теоретических проблем и обобщения основывались на конкретно-историческом изучении творчества отдельных писателей, включая и наиболее значительных /Н.М.Карамзин, М.Н.Муравьев, А.Н.Радищев/ и менее известных /В.В.Измайлов, А.И.Клушин, А.М.Кутузов, И.В.Лопухин, П.Ю.Львов, М.Н.Макаров, П.И.Макаров, М.И.Невзоров, В.С.Подшивалов, Н.С.Смирнов, Н.Ф.Эмин и многие другие/. Предметом исследования была и периодика рассматриваемой эпохи, особенно такие издания, как "Утренний свет" /1777-1780/, "Московское ежемесячное издание" /1781/, "Вечерняя заря" /1782/, "Детское чтение для сердца и разума" /1785-1789/, "Московский журнал" /1791-1792/, "Чтение для вкуса, разума и чувствований" /1791-1793/, "Приятное и полезное препровождение времени" /1794-1798/, "Аглая" /1794-1795/, "Муза" /1796/, "Иппокрена, или Утехи любословия" /1799-1801/, "Московский Меркурий" /1803/, "Патриот" /1804/, "Вестник Европы" /1802-1814/ и др. Постоянное внимание уделялось переводной литературе, проблемам восприятия в России произведений европейских писателей и теоретиков искусства.

В ходе осмысления этого обширного материала возникла необходимость проследить закономерности, характерные для русского сентиментализма как художественного направления, явившегося неотъемлемой частью общеевропейской культуры и в то же время имевшего свою национальную специфику. В России с ее ускоренным культурным развитием в XVIII в. литературные направления не только быстро сменяли друг друга, но и представляли собой яркий

пример сосуществования и взаимодействия. Поэтому многие произведения писателей, которых нельзя назвать сентименталистами /в частности, Д.И.Фонвизина/, также отразили важные тенденции этого направления.

Сложность изучения сентиментализма определяется его переходным характером: его глубокой внутренней связью и с классицизмом, и с романтизмом. Концепции вульгарного социологизма пагубно казались на исследовании сентиментализма, к которому часто прилагались определения "реакционный", "консервативный" и т.п. Тем не менее еще в 1930-1950-е гг. художественные достижения этого направления были предметом анализа в работах Г.А.Гуковского и Л.И.Кулаковой, особое внимание уделивших творчеству М.Н.Мурavyева. Традиционно - и вполне обоснованно - представление о русском сентиментализме связывалось прежде всего с именем И.М. Карамзина. Своеобразная "реабилитация" писателя, начавшаяся с конца 1950-х - начала 1960-х гг., стимулировала серьезное изучение его литературных и исторических сочинений, издательской и переводческой деятельности, вклада в развитие русского литературного языка /работы П.Н.Беркова, В.В.Виноградова, Ф.З.Кацуновой, О.Б.Кафановой, Е.Н.Купреяновой, Э.Г.Кресса, Ю.М.Лотмана, Г.П.Макогоненко, Р.Роте, Г.Хаммарберг и др./. Плодотворным оказался подход к творчеству Карамзина как писателя, способствовавшего приобщению русской культуры к европейскому литературному процессу и выразившего те тенденции, которые явились определяющими для наиболее замечательных произведений английского, немецкого и французского сентиментализма. Существенные стороны русского сентиментализма отмечались в исследованиях Л.В.Пумпянского, Х.Грас-

хофа, Е.Н.Купреяновой, Ф.З.Кануновой, В.И.Каминского, М.Тетени и др. В книге П.А.Орлова "Русский сентиментализм" /1977/ расширен привычный круг авторов, связываемых с этим направлением, предпринят опыт периодизации и охарактеризованы основные жанры. Однако сохранившееся здесь резкое разграничение "демократического" и "дворянского лагеря" представляется слишком прямолинейным, возвращающим к изжитым схемам. Демократизация общественного и культурного сознания - процесс достаточно сложный: самое деятельное участие в нем принимали и так называемые "дворянские" сентименталисты во главе с автором "Бедной Лизы". В свете современных представлений о Просвещении возникает необходимость по-новому определить и формы его проявления в творчестве этих писателей.

До сих пор еще недостаточно были изучены вопросы преемственности, существовавшей между Муравьевым и Карамзиным, с одной стороны, и Карамзиным и "карамзинистами", с другой. Между тем конкретное сопоставление отдельных произведений позволяет установить, какие именно эстетические и творческие принципы Муравьева нашли непосредственное развитие у Карамзина, сделавшего их программными. В произведениях писателей второго и третьего ряда прослеживается, как усваивались эти принципы в литературном сознании, какие из них оказались наиболее устойчивыми и характерными. Чаще всего речь идет не о непосредственном влиянии /которое, разумеется, тоже имело место/, но об известной общности мировосприятия, обусловленной той филиацией идей, которая охватила как европейскую, так и русскую культуру, о "ментальности" эпохи.

Актуальность исследования определяется задачами, стоящими в настоящее время перед филологической наукой, всё более тесно сочетающей историко-литературный и теоретический аспекты. Давно назрела необходимость оценить роль сентиментализма в развитии русской культуры, показав его неотъемлемую причастность к тем общеевропейским процессам, которые стали сейчас предметом углубленного изучения в нашей стране и за рубежом. Гуманистические ценности, выдвинутые на первый план сентиментализмом, в особенности представление о человеческой личности, замечательной своими душевными качествами и прежде всего способностью к состраданию, - все это сохраняет не только историко-литературный интерес, но и самый широкий нравственный смысл, не теряющий значения вплоть до наших дней.

Выбор объекта исследования обусловлен тем, что, несмотря на преодоление негативного отношения к сентиментализму, многие существенные особенности этого направления не были еще предметом специального изучения. Целью работы было рассмотрение литературы русского сентиментализма как самостоятельной художественной системы, но системы подвижной, постоянно развивавшейся.

Исучная новизна работы состоит в следующем.

Впервые представлена целостная характеристика русского сентиментализма, основанная на изучении не только вершинных явлений, но и массовой литературы. С учетом сделанного предшественниками выявлены новые аспекты изучения этого направления. Особое внимание уделено категории "чувствительность", связанной с целым комплексом нравственно-философских и эстетических проблем.

Вопрос о соотносительности литературы сентиментализма с идеями

Просвещения, ставившийся ранее в самой общей форме и преимущественно применительно лишь к Карамзину, стал предметом развернутого исследования, основанного на широком материале, включающем произведения многих авторов. Это позволило конкретизировать и углубить представления о проникновении просветительских идей в русскую литературу. Одновременно показано, как сложно, а иногда и противоречиво шел процесс осмысления этих идей разными писателями.

Помимо центральных проблем, намеченных при изучении русской эстетической мысли ХУШ в. /работы Л.И.Кулаковой, А.А.Смирнова, А.П.Валицкой/, было обращено внимание на ранее совершенно не затрагивавшиеся вопросы, например, отношение сентименталистов к категории возвышенного. В диссертации прослежено, как соотносятся взгляды на искусство этих писателей с воззрениями отечественных предшественников /М.В.Ломоносов, А.П.Сумароков и др./ и европейских авторов /Ш.Баттё, Э.Бёрк, Х.Ф.Геллерт, И.Г.Зульцер, А.Смит, Ф.Хатчесон, Г.Хоум, Э.Шейтсбери/. Выявлены первоисточники ряда сочинений, публиковавшихся в русской периодике 1790-х гг., в частности имевшей программное значение статьи "Чувствительность и причудливость".

В работе получила освещение проблема героя, которая еще не исследовалась применительно к литературе русского сентиментализма. Раскрыта специфика художественных средств, с помощью которых создавался определенный тип героя в произведениях этого направления. Выделены наиболее характерные черты "чувствительного" человека - избранного персонажа сентименталистов; прослежено, как преодолевался создавшийся стереотип. Благодаря обращению к общекультурному контексту и смежным областям искусства удалось изучить,

как литература сентиментализма отражала "эстетический климат" эпохи /термин Д.С.Лихачева/ и вместе с тем деятельно участвовала в его создании.

Методологической основой диссертации явилось комплексное применение нескольких подходов, получивших признание в современной филологической науке: историко-генетического, системного, ценностного и отчасти историко-функционального. В поле зрения автора постоянно были проблемы преемственности, существующей между сентиментализмом и предшествовавшим ему направлением, с одной стороны, и последующим, с другой. Неизменное внимание уделялось идейно-эстетической ценности рассматриваемых явлений, а также их воздействию на читательскую среду.

Научно-практическая значимость работы определяется тем, что она дает развернутую характеристику целого художественного направления, изучаемого во всех гуманитарных учебных заведениях. Непосредственно по теме диссертации автором были прочитаны специальные курсы "Литература русского сентиментализма" и "Эстетика русского сентиментализма" на филологическом факультете Ленинградского государственного университета. Статья "Русский сентиментализм. /Н.М.Карамзин и его окружение/", отражающая многие важные положения работы, включена в учебную хрестоматию "Русская литература XVIII в. Исследования советских ученых" /Минск, 1988/. В несколько расширенном виде исследование было утверждено к печати Ученым Советом Института русской литературы /Пушкинский Дом/ АН СССР и находится в печати в издательстве "Наука".

Апробация работы проходила на заседаниях Сектора по изучению русской литературы XVIII века и Отдела Новой русской литературы ИРЛИ АН СССР. По материалам диссертации были прочитаны доклады

на Всесоюзных конференциях, организованных ИРЛИ АН СССР и Институтом всеобщей истории АН СССР, а также на УП Международном конгрессе по проблемам Просвещения в Будапеште /1987/. Ряд публикаций положительно оценен в советской и зарубежной печати.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. В приложении представлена избранная библиография по теме "Литература русского сентиментализма", учитывающая работы на русском, английском, немецком, польском и французском языках.

Основное содержание работы

Во "Введении", имеющем подзаголовок "Споры о русском сентиментализме", изложена история изучения проблемы в советском и зарубежном литературоведении. Выделены вопросы, имеющие наиболее существенное значение для характеристики направления и вызвавшие больше всего споров. Особое внимание уделено употреблению и толкованию терминов "сентиментализм" и "преромантизм" /"предромантизм"/. В этой связи рассмотрены концепции, предложенные в исследованиях А.В.Архиповой, Х.Грасхофа, В.А.Западова, Г.Заудера, Ф.З.Кацуновой, Р.Крюгер, Е.Н.Куприяновой, Р.Нойхойзера, П.А.Орлова, Дж.Смита, М.Тетени и других. Выявлена многозначность понятия "чувствительность", прослежена его история и отношение к аналогам в английском, немецком и французском языках ("sensitivity", "Empfindsamkeit", "sensibilité"). Показано, что в литературе сентиментализма это понятие приобретает прежде всего этический смысл: "чувствительный" - значит "способный к состраданию", "отзывчивый", "гуманный", "добрый", "человечный". Обращение к словарям и текстам конца XVIII - начала XIX в. подтверждает такое

толкование. В ту эпоху слова "чувствительность" и "сентиментальность" /"сантиментальность"/ воспринимались как синонимы и лишь позднее стали противопоставляться друг другу. Признание изначальной исторической близости этих понятий позволяет отдать предпочтение термину, вынесенному в заглавие: "сентиментализм".

Определяются хронологические рамки исследования, охватывающие около четырех десятилетий: с 1780-х по 1810-е гг. Характеризуются основные источники - печатные и рукописные, - служившие материалом диссертации.

Глава первая "Литература русского сентиментализма и Просвещение" состоит из трех разделов: "Воспитание ума и «образование сердца»", "Идея прогресса", "Представление о внесловной ценности человека". Просвещение рассматривается в главе как идеологическая и философская основа сентиментализма.

В разделе "Воспитание ума и «образование сердца»" прослежено, какое значение придавали русские сентименталисты проблеме воспитания, в чем состояло их отличие от предшественников. Писатели нового направления постоянно спорили с теоретическими принципами Ломоносова и Сумарокова, но, декларируя свой отказ от авторитетов недавнего прошлого и провозглашая первостепенную ценность чувства, вовсе не отказывались от признания роли разума в процессе воспитания. "Учительная" функция, традиционно присущая русской литературе, осознавалась и сентименталистами как важнейшая. Вместе с тем характер ее постепенно менялся. На новом этапе развития просветительской мысли усложнилось самое понятие "образованность"; возникли споры и о путях, которыми могут быть достигнуты необходимые знания. Одним из решающих стимулов при этом явилось знакомство с идеями Ж.-Ж.Руссо, что уже отмечалось

исследователями /работы Ю.М.Лотмана, В.А.Западова/, однако привлечение новых материалов позволяет расширить представления о воздействии сочинений "женевского философа" на литературу русского сентиментализма. Кроме того развитие отечественной педагогической мысли создало определенные предпосылки для восприятия руссоистских идей. Особая заслуга в этом принадлежала Н.И.Новикову, оказавшемуся своеобразным культурным посредником между писателями разных поколений и разных направлений. В кружке Новикова и его друзей /А.А.Петрова, И.П.Тургенева, А.М.Кутузова, И.В.Лопухина/ осуществлялось "нравственное образование" /слова И.И.Дмитриева/ не только Карамзина, но и М.Н.Муравьева, В.С.Подшивалова, Н.Н.Сандунова, А.А.Прокоповича-Антонского - в 1780-е гг. начинающих литераторов, которые через несколько лет выступили как зрелые писатели, в большей или меньшей степени связанные с сентиментализмом. В трактате "О воспитании и наставлении детей", приписываемом Новикову, получили отражение тенденции, имевшие не посредственное отношение к формированию взглядов сентименталистов на воспитание. Давняя задача исправления нравов решалась здесь по-новому, Первостепенное значение придавалось эмоциональной сфере: "добрые нравы" должны быть внушены не логическим путем, а воздействием на чувства. Характерно, что в журналах Новикова печатались произведения немецких филантропистов, чьи идеи получили признание и у преподавателей Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, откуда также вышли писатели, творчество которых развивалось в основном в русле сентиментализма /драматург В.А.Озеров/.

Взгляды Муравьева на процесс познания выявляются по его произведениям, а также записям и конспектам, еще не публиковавшимся /в частности, по статье "О действиях разума"/. Сопоставление высказ-

званий Муравьева с суждениями Карамзина позволяет констатировать известную устойчивость соединения идей Р. Декарта и Дж. Локка в сознании русских сентименталистов. "Чувствительные впечатления", с их точки зрения, предстают как начальный этап познавательного процесса, осуществляемого в конечном счете с помощью разума.

Борьба с невежеством, пропаганда научного знания и стремление к образованности в самом широком смысле - все эти просветительские задачи, стоявшие перед русской литературой XVIII в., сохраняли свою актуальность для Муравьева, Карамзина и их сподвижников. Мысль о пользе наук постоянно встречается у В.С. Подшивалова, В.В. Иамайлова, П.И. Макарова. Эта проблематика придает особую специфику сентиментализму в России. Вместе с тем как в педагогике, так и в отечественной словесности конца XVIII - начала XIX в. начинает выдвигаться на первый план не столько образование, сколько нравственное воспитание. Внимание к "образованию сердца" объединяет писателей разных направлений. Программа сентименталистов в этом отношении оказывается близка, в частности, к воззрениям Д.И. Фонвизина, который ставит под сомнение достоинства просвещенного разума, не подкрепленные достоинствами сердца.

При рассмотрении восприятия в России книги Руссо "Эмиль, или О воспитании" /1762/ устанавливается, что в оценке этого сочинения русские сентименталисты оказались во многом солидарны с немецкими филантропистами. И те и другие постоянно полемизировали с Руссо, доказывая, что обществу принадлежит значительная роль в формировании личности. В то же время руссоистские представления о том, что важнее всего "образование сердца", нашли в русской литературе самый живой отклик. Характерна в этом плане пе-

дагогическая направленность журнала В.В.Измайлова "Патриот" /1804/. Русские сентименталисты с большим вниманием отнеслись к идее "народного воспитания", что нашло отражение в "Вестнике Европы" в годы его редактирования Карамзиным /1802-1803/. Тема воспитания, занимающая там одно из центральных мест, связана с широкими задачами развития отечественной культуры.

В разделе "Идея прогресса" прослеживается, какое отражение в литературе русского сентиментализма получило просветительское представление о поступательном развитии общества. Уделяется внимание участию сентименталистов в широкой полемике, развернувшейся вокруг рассуждения Руссо о науках и искусствах. Во взглядах Муравьева проявляется, с одной стороны, вера в "успехи разума" и культурный прогресс, а, с другой, - глубокий интерес и уважение к античным писателям. И Муравьев и Карамзин находят нечто новое в древней культуре: их привлекает ее первозданная простота и естественность. Подобная концепция оказывалась близка руссоистскому призыву возвращения к природе и обретения утраченной гармонии. Этим обусловлен интерес сентименталистов к теме "золотого века". Различия в трактовке названной темы проявились в возникновении двух типов "примитивизма": "нежного", связанного с поэтизацией далекого прошлого, и "грубого", представляющего это прошлое как времена дикого варварства. Обе разновидности, выделенные американским исследователем Э.Панофским на материале европейских литератур, обнаруживаются и в литературе русского сентиментализма. Особый интерес здесь вызвал тип "доброго дикаря", человека, близкого к природе и противостоящего развращенному цивилизованному миру. Однако и Муравьев и Карамзин, несмо-

тря на увлечение "примитивизмом", постоянно подчеркивали "выгоды просвещения". Их привлекал не столько "естественный человек" ("l'homme naturel"), сколько "человек природы" ("l'homme de la nature"). Самая способность ценить природу представлялась неотъемлемым качеством "чувствительного человека", при этом разносторонне образованного, то есть истинно просвещенного. Русские сентименталисты распространяют идею прогресса и на область искусства, и на область нравственности. У Карамзина и его последователей играет важную роль образ "лестницы", по ступеням которой человечество возвышается "к своему совершенству". Одновременно возникает - под воздействием идей И. Гердера, воспринятых и непосредственно и опосредованно - признание неповторимости и ценности культур прошлого. Мысль о нивелирующем влиянии просвещения появляется в произведениях Карамзина и Измайлова, который в "Путешествии в полуденную Россию" уделяет много внимания проблеме национальной самобытности, описывая нравы разных народов. Руссоистская концепция, решительно оспаривавшаяся Карамзиным и принятая с существенными коррективами Измайловым, встретила еще более сочувственное отношение М.И. Невзорова, автора "Путешествия в Казань, Вятку и Оренбургскую губернию в 1800 г.". В соответствии с идеями Руссо, Невзоров рассматривает путь человечества как удаление от изначального совершенства. Однако и у этого автора проявляется стремление защитить успехи современной цивилизации.

В русской литературе получила широкий отклик мысль Карамзина о просвещении как гарантии общественного порядка, сформулированная в письмах "Мелодор к Филалету" и "Филалет к Мелодору", которые были написаны в период идейного кризиса, вызванного реак-

цией писателя на события французской революции. Затронутые здесь темы получили своеобразное продолжение в сочинении Л.Н. Неваховича "Человек в природе. Переписка двух просвещенных друзей" /1804/. В духе литературы сентиментализма этот автор ценит в просвещенном человеке "чувствительную душу", которая отличает его от невежественного "дикого". В целом произведение направлено на защиту завоеваний прогресса.

Таким образом, идея совершенствования общества оказалась одной из центральных в системе представлений сентименталистов. Она во многом определила их идейные и эстетические позиции. В отличие от своих предшественников, чья непоколебимая вера в прогресс связывалась прежде всего с убежденностью в неисчерпаемых возможностях разума, эти писатели перенесли акцент на способность человека к нравственному совершенствованию. Отчасти сохраняя рационалистический подход к идее прогресса, сентименталисты пришли к пониманию того, что на пути к "доброму", истинному просвещению неизбежны отступления и даже потери. Особую притягательность для них стала приобретать старина - культура отдаленных эпох разных народов и прежде всего отечественная. Интерес к историческим сюжетам, обращение к фольклору, оссианизм - черты, зарождающиеся в литературе сентиментализма и непосредственно предвещающие искания романтиков.

В разделе "Представление о внесловной ценности человека" исследуется процесс демократизации общественного сознания, отразившийся в литературе русского сентиментализма. Для этого направления характерен интерес к людям "низкого состояния". В России XVIII в., где сохранялось крепостное право и резко усили-

важась сословная иерархия, идея внесословной ценности человека приобрела особую актуальность. Сентименталисты всячески подчеркивают независимость "достоинства" своих героев от их положения в обществе. Нравственный кодекс русского интеллигента конца ХУШ - начала ХІХ в. сохранял многое от представлений, характерных для классицизма и вместе с тем обогатился понятием "чувствительность". Человека стали ценить не за его деловые способности, приносящие ему богатство и почести, не за "ясный ум", а за "доброе сердце". Среди качеств, необходимых истинно "чувствительному" человеку, большое значение придавалось его умению сочувствовать чужим страданиям и оказывать помощь тем, кто нуждается в ней. Существенную роль в этом также сыграла деятельность Новикова и его кружка. В литературе сентиментализма одной из важнейших становится тема "благоденствие и благодарность", как свидетельствуют многочисленные публикации в журналах 1780-1800-х гг., посвященные описанию "благородных поступков" и примеров бескорыстия. Характерно, что здесь появляется новый тип героя: человек "среднего" или "низкого" состояния /башмачник, мясник, солдат, крестьянин/. Способность благотворить, считавшаяся ранее привилегией знатных и богатых, оказывалась теперь доступной человеку независимо от его сословного положения. Повесть Карамзина "Фрол Силин, благодетельный человек" отразила важную тенденцию литературы сентиментализма. В частности, аналогию этому герою представляет персонаж статьи "Могущество сострадания", напечатанной в журнале В.С.Подшивалова "Чтение для вкуса, разума и чувствований" в том же 1791 г., что и повесть Карамзина. В подобных публикациях люди "низкого состояния" изображались как

воплощение тех добродетелей, которые особенно ценны с точки зрения образованного "чувствительного" автора. Поэтому вполне закономерно, что прославление "благородных поступков" часто сочеталось у сентименталистов с проповедью смирения и довольства своим состоянием. Хотя мысль о том, что "и крестьянки любить умеют", была знакома русскому читателю до "Бедной Лизы" Карамзина, эта повесть явилась новаторской во многих отношениях. Впервые с судьбой крестьянки оказался связан мотив самоубийства. Необычность карамзинской повести вызвала не только широкий интерес публики, но и критические отклики, как например, ранее неизвестный отзыв П.Ю.Львова, сохранившийся в рукописях митрополита Евгения /Е.А.Болховитинова/.

Мемуарные свидетельства подтверждают, что литература сентиментализма смогла отразить те противоречия между идеалом и действительностью, с которыми сталкивался "чувствительный человек": провозглашая высшей ценностью чувство, он встречался с отношениями, основанными на расчете и корысти. Особое значение у писателей нового направления приобретает тема чести, имевшая ранее исключительно сословную трактовку. Для незнатного и небогатого героя, пришедшего в литературу благодаря сентиментализму, важно отстоять свое достоинство в обществе, где ценятся прежде всего титулы. Более демократическое, по сравнению с литературой классицизма, представление о чести обнаруживается во многих произведениях, посвященных солдатской теме /сочинения Н.И.Ильина, А.И.Клушина, В.С.Подшивалова, Н.Н.Сандунова/. Сентименталисты воссоздают "нравственный кодекс" "чувствительного человека", который дорожит такими качествами, как способность к благотвори-

нию, умение любить, бескорыстие, чувство чести и собственного достоинства. К этой нравственной элите, по представлениям писателей нового направления, могли принадлежать люди разных условий и разного имущественного положения.

Глава вторая "Пути формирования и основные принципы эстетики сентиментализма" состоит из пяти разделов: "Проблема подражания", "Представления о вкусе", "Представления о возвышенном", "Единство красоты и добра", "Представления о назначении искусства и образе творца". Проблемы эстетики рассматриваются в сопоставленности с собственно историко-литературными проблемами. Обращается внимание на индивидуальный подход каждого автора к решению названных выше вопросов и одновременно прослеживаются обнаруженные при этом общие закономерности, позволяющие говорить об эстетике сентиментализма как целостной системе.

В разделе "Проблема подражания" показано, что объединяло сентименталистов в подходе к этой проблеме с их предшественниками - писателями классицизма, которые придавали первостепенное значение правдоподобию художественного вымысла. Непосредственное воздействие эстетических концепций Ломоносова и Сумарокова обнаруживается в произведениях Муравьева, особенно в начальный период его творчества, и других авторов. Вместе с тем, постепенно откачиваясь от ориентации на традиционные образцы, сентименталисты всё настойчивее выдвигают идею подражания непосредственно самой природе. Большой интерес у них вызывают сочинения современных европейских теоретиков искусства: И.Г.Зульцера и особенно Ш.Баттё, труд которого "Принципы литературы" /1774/ был хоро-

шо известен в России конца XVIII - начала XIX в. и оказал существенное влияние на эстетику русского сентиментализма. Теория подражания Баттё, построенная во многом еще на рационалистических принципах, по-своему интерпретировалась А.А.Петровым в его письмах к Карамзину. Ограничивая сферу подражания лишь "изящной природой" и следуя в этом за французским теоретиком, Петров выдвигает на первый план такие критерии, как "простота", "натуральность". В переписке Петрова и Карамзина возникает спор о Шекспире в связи с вопросом о необходимости правил и свободе "гения". Сходные проблемы поднимаются в статьях П.А.Плавильщикова, также отражающих некоторые важные принципы сентименталистской эстетики, хотя не всегда так последовательно, как сочинения Муравьева и Карамзина. Лейтмотивом у них становится мысль о "натуре" - наставнице художника, это и обуславливает их восхищение Шекспиром, которому "природа служила вместо учения" /Муравьев/. Новый подход к проблеме подражания заставляет на новом уровне вернуться и к спору о "древних и новых", к оценке античной культуры.

Установление источников отдельных статей, переведенных В.С. Подшиваловым, и их анализ позволяет констатировать, что близость к "натуре" и "естественность" постоянно выдвигаются как главные критерии и в выбранных для перевода сочинениях и в принадлежащем Подшивалову "Сокращенном курсе российского слога" /1796/. Представление об истинной "чувствительности" неразрывно связано для сентименталистов с "естественными", "натуральными" формами ее проявления. Поэтому программное значение приобрела статья "Чувствительность и причудливость", опубликованная в

1796 г. в журнале "Приятное и полезное препровождение времени". Как удалось установить, статья представляет собой перевод первой части книги немецкого писателя И.Г. Кампе „Ueber Empfindsamkeit und Empfinderei in pädagogischer Hinsicht“ (1779), где последовательно противопоставляется истинная и ложная чувствительность. Таким образом, в русской печати конца ХУШ в. появляются произведения европейских авторов, деятельно участвовавших в разработке эстетических проблем, связанных и с "вечными" вопросами теории искусства, и с самыми актуальными задачами отечественной словесности. Всё это существенно способствовало освобождению литературы из-под ига непреложных правил и запретов, от подчинения авторитетам, углубляло представления о теории подражания.

В разделе "Представления о вкусе" рассматривается отношение сентименталистов к этой категории, прослеживается, как выдвижение на первый план эмоционального начала вносило коррективы в ее трактовку. Высказанный Ш.Баттё взгляд на вкус как на чувство получил широкое признание в литературе сентиментализма. Кроме того для Муравьева, Карамзина, Измайлова и других русских писателей была очень существенна мысль о необходимости совершенствования, "упражнения" вкуса. В результате размышлений о судьбе отечественной культуры у них возникает новое и принципиально важное понятие - "вкус народный" /то есть национальный/. Соответственно сомнению подвергается прежнее убеждение в том, что "хороший вкус один". Вопреки традиционной ориентации на античные образцы, Карамзин, а вслед за ним и другие литераторы проявляют всё более широкий интерес к культуре северных и восточ-

ных народов. Теория искусства русских сентименталистов формируется на основе положения, трактующего эстетику как "науку вкуса" /определение А.Баумгартена/ Мысль о развитии вкуса в процессе чувственного познания, получившая признание в европейской эстетике, воспринимается в России прежде всего через посредство немецких теоретиков /И.Г.Зульцер, Г.Э.Лессинг/, а также английских /Г.Хоум, А.Джерард и др./, к которым большое внимание проявляет Муравьев.

Отдавая предпочтение "естественному вкусу", сентименталисты начинают противопоставлять это понятие излюбленной формуле своих предшественников, ратовавших за "просвещенный вкус". Стремление к простоте, близости "натуре" ведет к исключению образца как посредующего звена между природой и художником. Подобная трактовка категории "вкус" опять-таки связана с усложнением проблемы "древних и новых". Всё большее распространение получает признание изменчивости вкуса, его зависимости от "состояния умов" в каждую данную эпоху. Предвосхищая романтическую теорию искусства, Карамзин считает вкус "особливым даром неба". Интуитивный характер вкуса подчеркивает и Измайлов. Эти представления, характерные для сентименталистов, обнаруживают их стремление противопоставить духовную элитарность социальной: истинные ценители искусства оказываются счастливыми избранниками независимо от их положения в обществе.

Говоря о вкусе как стилистическом критерии, сентименталисты нередко пользуются традиционными определениями "строгий", "очищенный" и даже "просвещенный", но за этими формулами стоит и нечто новое: представление о вкусе, неподвластном правилам, измен-

чивом, не поддающимся логическому анализу. Возникает и типичное для сентиментализма определение: "нежный вкус". В то же время писатели нового направления признают необходимым совершенствование вкуса путем "образования душевных способностей" /Карамзин/.

В разделе "Представления о возвышенном" центральное место занимает проблема преемственности, существующей между русским классицизмом и сентиментализмом. Прослеживается, как в эстетической мысли России XVIII в. воспринимались идеи, высказанные в античном трактате "О возвышенном" и имевшие основополагающее значение для толкования этой категории в европейской литературе. Существенные положения трактата получили новую интерпретацию в "Риторике" Ломоносова. Под воздействием его теории и в еще большей степени его поэтической практики формировалось представление о возвышенном и у русских сентименталистов. Признавая эпопею "верхом поэзии", Муравьев называл в качестве образцовых авторов Ломоносова и Хераскова. Карамзин, Дмитриев, Измайлов единодушно прославляли "Россиаду", "где все велико, важно, величественно" /Измайлов/. Конкретные сопоставления сочинений Муравьева и "Риторики" Ломоносова обнаруживают, какие именно положения теории русского классицизма более всего соответствовали взглядам сентименталистов, стремившихся подчеркнуть главенствующую роль чувства. Отдельные высказывания Ломоносова, прежде всего из главы 6 "Риторики", находят непосредственные параллели в литературных декларациях Муравьева. Вместе с тем для него характерна тенденция к снижению пафоса, господствовавшего в ломоносовской лирике, что соответствует общей направленности литературы сентиментализма с ее тяготением к камерности.

У Карамзина и Измайлова представление о возвышенном нередко

связывалось с переживанием ужаса. В этом проявлялось общее для европейской литературы и эстетической мысли XVIII в. стремление выйти за рамки, предписанные классицизмом /теория Э.Бёрка/. Особенно близко русским сентименталистам оказалось учение Г.Хоума о возвышенном /сближение категорий возвышенного и прекрасного, внимание к эмоциональному воздействию возвышенного/. Новые эстетические теории проецировались на творчество отечественных предшественников: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова. Самая личность Ломоносова стала воплощать для позднейших поколений возвышенный образ гения. Примеры "высокого парения мыслей" Карамзин находил и у восхищавших его европейских авторов /оды К.В.Фамлера, творчество Шекспира/. Типичный образец сентименталистского восприятия поэзии Ломоносова представляет статья М.Н.Баккаревича "Не-что о Ломоносове" и ответ этого автора анонимному рецензенту. Баккаревич продолжает и углубляет антирационалистическую трактовку ломоносовского творчества, предложенную Муравьевым. Таким образом, отвергая современную им одическую поэзию и высмеивая ее высокопарность, сентименталисты делали исключение для Ломоносова, обладавшего "великим творческим духом". Одновременно они выступали против сервиллизма в литературе, протестуя против спекуляции "высокими" темами, что не означало скептического отношения к самой категории возвышенного, в том числе и к героико-патристическим сюжетам. Стремление писателей нового направления к камерности не отторгло их творчество от мира высоких чувств, но помогало им осознать свои художественные задачи, отличие их от задач предшественников. Эмоциональное начало, столь важное для искусства классицизма, сделалось главенствующим, но основное

внимание стало уделяться индивидуальному проявлению высокой страсти. Кроме того ей на смену стало приходиться "чувствование" - "страсть в малом виде", что отразилось во всей стилистической системе сентиментализма.

В разделе "Единство красоты и добра" прослеживается, какое воплощение в литературе русского сентиментализма получила античная калогогатия - учение о единстве прекрасного и доброго, вынававшее к себе интерес на протяжении многих столетий. Это учение проникало в Россию XVIII в. в значительной степени через посредство английских моралистов, прежде всего Э.Шефтсбери, а также Ф.Хатчесона и А.Смита. Воздействие их идей соединялось с продолжением отечественных традиций, неизменно выдвигавших на первый план нравственные задачи перед искусством и литературой. Стремление "сделать человекa лучшими" /В.К.Тредиаковский/, свойственное и Ломоносову, и Сумарокову, приобрело новые формы в деятельности Новикова. В его журналах публиковались произведения в которых развивалась мысль о единстве добра и красоты, пропагандировались идеи Платона и Шефтсбери, связанные с представлениями о красоте внутренней, относящейся одновременно к эстетической и этической сферам. "Изящность добродетели" демонстрировалась Новиковым и на практике: помощь голодающим, организация училищ, аптек и больниц для неимущих, широкая программа нравственного воспитания русской интеллигенции. Поколение писателей, сформировавшихся в кружке Новикова, сохранило эту гуманистическую направленность творческих исканий. Русские сентименталисты продолжали также ориентироваться на европейских авторов, у которых находили близкую им проповедь добрых дел, облеченную в худо-

жественную форму. Особое место принадлежало "наставнику Германии" Х.Ф.Геллерту: его исключительно высоко ценили и Муравьев, и Карамзин, и Радищев. Большую роль в становлении эстетики русского сентиментализма сыграли переводы из Геллерта, осуществившиеся в новиковском кружке /переводы А.М.Кутузова и И.П.Тургенева/. Идея соотнесенности прекрасного и доброго получила отражение, в частности, в переведенной И.П.Тургеневым статье Геллерта "О действии наук над сердцем и нравом человеческим". Иногда русские авторы вступали в полемику с немецким моралистом, искали свое решение затронутых им проблем. Так, в дважды переведившейся на русский язык статье Геллерта "Наставление отца сыну, которого отправляет он в Академию" и главе "Крестьян" в "Путешествии из Петербурга в Москву" Радищева обнаруживается много общего и в то же время они различаются в представлениях о наиболее важных нравственных ценностях. Моралистическая программа, предложенная Геллертом, не могла вполне удовлетворить и других русских авторов, которым был свойственен более широкий взгляд на сущность добродетели и больший интерес к собственно эстетическим проблемам. Характерно, что Муравьев в своих суждениях о прекрасном и добром следует непосредственно за Шефтсбери и развивает мысль о существовании внутренней, нравственной красоты. Сохранившийся в рукописи перевод Муравьева из сочинения Ф.Хатчесона "Система нравственной философии" ("System of moral Philosophy") содержит положения, получающие затем развитие в собственных статьях русского автора. Его статья "Владычество над самим собою" представляет краткое изложение раздела "О самообладании" из кни-

ги А.Смита "Теория нравственных чувств" ("The Theory of Moral Sentiments", 1759). Выбрав отрывок, в котором говорится о поведении "добродетельного человека", Муравьев излагает текст Смита, пользуясь терминологией, принятой в новиковском кружке. Нравственные искания его участников, их идеи самопознания и самосовершенствования, интерес к "внутреннему человеку" - всё это становится основой для восприятия английской моралистической философии. В художественных произведениях Муравьева содержатся примеры, подтверждающие его этическую программу. Аналогичное явление наблюдается и в творчестве Карамзина, также проявляющего интерес к учению Шефтсбери о единстве прекрасного и доброго. Свообразное отражение эта концепция получила в повести "Прекрасная царевна и счастливый Карла" /1792/. Аллегорически Карамзин воплотил здесь мысль о том, что добро порождает красоту, а красота - добро. Постепенно писатель всё большее внимание уделяет эстетической категории, стремясь преодолеть дидактизм своих предшественников. Размышления о нравственной ценности прекрасного содержатся и в статьях, публиковавшихся в журналах Подшивалова, в "Слове о воспитании" Прокоповича-Антонского и других сочинениях. Таким образом, литература русского сентиментализма, усваивая древнюю идею единства красоты и добра, применяет ее к насущным задачам, стоявшим перед отечественной культурой, одной из которых было осознание специфики сферы художественного творчества. Важным следствием этого явилось и видоизменение просветительской программы образования и воспитания: она приобретала новую, преимущественно эстетическую направленность, сохраняя глубокую связь с проблемами этического характера.

В разделе "Представления о назначении искусства и образе творца" показано, как убежденность в единстве прекрасного и доброго формировала взгляды писателей русского сентиментализма на задачи искусства. Для них оставалось непоколебленным представление о художнике, творце как наставнике общества. Однако утилитарное понимание "пользы" искусства постепенно уступает место идеям шейтсберганского толка, согласно которым прекрасное помогает нравственному совершенствованию человека, развивая в нем стремление к красоте, следовательно, и к добру.

У Муравьева, Карамзина и других близких им авторов уже возникает отношение к творчеству как некоему таинству, доступному лишь избранным. Эта идея, непосредственно предваряющая романтический взгляд на искусство, получила выражение и в поэзии Муравьева, и в произведениях Карамзина. Но одновременно для них сохраняет значение и мысль о нравственном воздействии литературы, ее "пользе", понятой достаточно широко /записи Муравьева, связанные с кругом его чтения, статья Карамзина "Разные отрывки /Из записок одного молодого Россиянина" и др./. В ходе полемики, возникшей у Карамзина с масонским кружком Новикова, намечаются две основные тенденции в литературе русского сентиментализма: одна, связанная с укреплением дидактической направленности искусства, другая - обнаруживающая неудовлетворенность таким подходом и выражающая стремление отстоять специфику искусства. Протест против дидактики содержится в ряде публикаций Карамзина в "Московском журнале" /1791-1792/, в частности в рецензии на роман М.М.Хераскова "Кадм и Гармония". Писатель считал, что мораль должна быть неприметной, но действенной: Поэтому, отстави-

вая автономность сферы искусства, Карамзин продолжал сохранять и представление о его нравственном воздействии. Такая позиция, характерная для русских сентименталистов, во многом определялась их более тесной, по сравнению с европейскими авторами, связью с традициями классицизма и идеологией Просвещения. Показательно, что для В.В.Измайлова, П.И.Макарова и других литераторов по-прежнему имеет существенное значение критерий "пользы". Но не менее важно для них и представление о свободе поэтической мечты, фантазии. Многие восприняв от предшественников /особенно учение Ломоносова о вымысле/, эстетика сентиментализма способствовала более широкой разработке темы творческого вдохновения, которая непосредственно перешла в литературную теорию и практику романтизма. Писателей обоих направлений объединяет интерес к личности творца. Программная статья Карамзина "Что нужно автору?" /1793/ выразила идеи, получившие непосредственный отклик в массовой литературе сентиментализма. Критерии, определявшие ценность произведения, оказались в зависимости от оценки моральных качеств автора. Эти намеченные Карамзиным принципы получили дальнейшее развитие у В.А.Жуковского.

Литература русского сентиментализма создала свой идеал творца - беспечного любимца муз, бескорыстного, далекого от суетного света, "чувствительного" человека, доброго и сострадательного. Свообразными вариантами этого типа были образы, созданные биографами И.И.Хемницера, И.Ф.Богдановича, В.С.Подшивалова, В.В.Измайлова. Статья Карамзина "О Богдановиче и его сочинениях" /1803/ содержит описание традиционных черт идеального творца и вместе с тем конкретизирует общие принципы сентименталистской

эстетики - представление об отражении личности писателя в его творчестве и убежденность в том, что истинный художник должен сохранять свою независимость. Оппозиционность по отношению к официозной литературе, неприятие сервилизма - это сближало сентименталистов с Г.Р.Державиным и Н.А.Львовым. Муравьев, Карамзин, Измайлов, Подшивалов - все они стремились служить интересам "общественной пользы", требуя, чтобы труд писателя был "не бесполезен для отечества". Самое художественное творчество рассматривалось ими как дело большой общекультурной значимости, ибо по словам Карамзина, "авторы помогают согражданам лучше мыслить и говорить". Это программное заявление намечало переход писателя к его работе над "Историей государства Российского" и одновременно подводило итог его предыдущему опыту. Мысль о высоких нравственных качествах, которыми обязательно должен обладать истинный творец, получила признание в литературе предпушкинской и пушкинской поры. Воплощением идеальных качеств художника стали теперь сами сентименталисты: Муравьев для Батюшкова и Карамзин для Жуковского.

Глава третья "Герой литературы сентиментализма" состоит из трех разделов: "Чтение в жизни "чувствительного" героя", "Портрет и пейзаж как средства характеристики "чувствительного" героя", "Роль "исповеди" в раскрытии внутреннего мира "чувствительного" героя".

В главе рассматривается основной тип героя, созданного литературой русского сентиментализма, - "чувствительного" человека, воплощающего духовный и нравственный идеал своей эпохи. Выде-

ленные аспекты позволяют проследить, как в литературе отразились процессы, определявшие культурное сознание русского общества конца ХУШ - начала ХІХ в. Предметом исследования становятся творческие искания сентименталистов, важнейшим достижением которых явился психологизм, более глубокое, по сравнению с предшественниками, проникновение во внутренний мир человека.

В разделе "Чтение в жизни "чувствительного" героя" показано, как в литературе появляется герой, в жизни и даже судьбе которого чтение играет значительную, а иногда и определяющую роль. Вводя в литературу "читающего героя", русские писатели не только использовали западно-европейский опыт, но и обращались к самой отечественной действительности. Стремление к образованности, характерное для русских просветителей ХУШ в., способствовало пополнению рядов интеллигенции, расширению круга читателей. Подчеркивая духовную элитарность своих героев, сентименталисты стали уделять внимание их книжным интересам. В частной переписке того времени /письма Муравьева, переписка Н.П.Панина со своей невестой и т.д./ занимают видное место сообщения о новых книгах и вызванные ими размышления, анализ характеров персонажей. Эти черты "чувствительного" человека конца ХУШ - начала ХІХ в. запечатлевались в литературных героях. Таким образом, русская культура сентиментализма оказалась причастна к явлению, определяемому европейскими исследователями как „gelebte Literatur in der Literatur“ - "пережитая литература в литературе".

Процесс чтения описывается в произведениях сентименталистов в соответствии с их общими эстетическими представлениями. Существенное значение придается внешнему виду книги: предпочтение

оказывается книгам небольшого формате, удобным для чтения во время прогулки. Прогулка с книгой в руках становится распространенным мотивом, помогающим "узнаванию" героя /характерный пример - завязка романа Н.Ф.Эмина "Роза"/. Чтение на лоне природы - постоянный предмет изображения в произведениях Карамзина, начиная с его ранних прозаических этюдов и кончая романом "Рыцарь нашего времени" /1802-1803/. Интерес к самому процессу чтения проявляется и в массовой литературе сентиментализма. Противопоставление положительных и отрицательных персонажей нередко основывается и на их отношении к чтению. Еще в "Бригадире" /1769/ Д.И.Фонвизина высмеивались читатели "любезных романов" - Софья и Иванушка. В "Недоросле" /1782/ важный момент в характеристике Софьи - упоминание о ее чтении книги Ф.Фенелона "О воспитании девиц". Появление "читающей" героини - новый и важный мотив, отражающий реальный процесс приобщения женщины к литературе. Вопрос о чтении "для девиц" служит предметом специального обсуждения в романе Н.Ф.Эмина "Роза". В рекомендательном списке, представленном героем романа, перечислены преимущественно сочинения "чувствительных" авторов, которые к началу 1780-х гг., в основном, были уже переведены на русский язык. Большинство названных книг с похвалой упомянуто и в "Сокращенном курсе русского слога" /1796/ Подшивалова, выступившего с обоснованием принципов сентиментализма. Перечень Подшивалова включает, помимо "чувствительных" сочинений, романы, содержащие авантурные элементы /произведения А.-Р.Лесажа, А.-Ф.Прево и Экзюпери, А.Бювиуса/, однако круг чтения литературных героев, как правило, оказывается несколько уже: они выбирают лишь те книги, чтение

которых может продемонстрировать их внимание к "жизни сердца". Основными читаемыми книгами неизменно становятся сочинения Э.Юнга, "Страдания молодого Вертера" И.В.Гете и "Новая Элоиза" Ж.-Ж.Руссо. Юнг при этом ассоциировался в сознании читателей с его лирическим героем; герои Гете и Руссо приобрели как бы некое самостоятельное существование: персонажи произведений русского сентиментализма, постоянно сравнивая себя с Вертером, Клийей и Сен Прё. От "чувствительного" человека XVIII в. суждение о книге и ее авторе переходит к литературному герою, а этот герой, в свою очередь, служит образцом для подражания многочисленным читателям. Так происходит постоянный и сложный процесс взаимопроникновения литературы и действительности. Упоминание о чтении любимых книг "чувствительного" героя является вполне достоверной деталью, отражающей отношение к этим книгам самого автора. Имена литературных персонажей оказываются своеобразными символами - знаками, понятными для посвященных. Напоминание читателю об известной ему книге помогает дополнить представление о душевном состоянии героя, отчасти предопределяет развитие сюжета. Отзывы о "Вертере" и "Новой Элоизе", содержащиеся в письмах, мемуарах, дневниках читателей конца XVIII - начала XIX в., находят интересные соответствия в высказываниях литературных персонажей. Одновременно с восхищением популярными героями постепенно возникают скептические размышления о их "ненатуральности", начинается ощущаться противоречие между идеальным и реальным. Следование нравственным идеалам, воспринятым из прочитанных книг, нередко приводит героев к трагической развязке. Тем не менее интерес к чтению воспринимается как положительный знак в характери-

стике человека, так как, по словам Карамзина "дурные люди и романов не читают". Увлечение "чувствительными" романами сохраняется вплоть до пушкинской поры, что находит отражение и в "Евгении Онегине" /круг чтения Татьяны Лариной/. "Читающий" герой оставался наиболее типичной фигурой в русской литературе, хотя его интересы и оценки менялись в соответствии с общекультурным развитием. Важным новшеством было обращение авторов и соответственно их персонажей к произведениям отечественных писателей. Среди упоминаемых книг стали называться русские журналы /"Приятное и полезное препровождение времени", "Вестник Европы"/ и особенно часто сочинения Карамзина, который, по выражению В.Г.Белинского, "умел заохотить" публику к чтению русских книг. Позднее чтение само по себе как повседневное занятие образованного человека перестало уже быть характеристикой героя. Однако упоминание о круге чтения персонажа по-прежнему сохранило свое значение. Таким образом, литература сентиментализма, впервые поставившая проблему "читающего" героя, сделала важный шаг на пути сближения словесной и бытовой культуры, открыла новое средство психологической характеристики персонажа.

В разделе "Портрет и пейзаж как средства характеристики "чувствительного" героя" показано, как в связи с интересом сентименталистов к внутреннему миру человека усиливается их внимание к изображению внешности героев и окружающей их природы. Портрет и пейзаж в литературе рассматриваются в соотнесенности с аналогичными явлениями в изобразительном искусстве. Так же, как парадный портрет в живописи сменяется интимным портретом, в литературе предпочтение отдается камерным жанрам, имеющим более "личный"

характер, по сравнению с высокими жанрами классицизма. В связи с общими тенденциями развития русской культуры конца XVIII в. в искусстве и в литературе возникает стремление к психологизации портрета, что находит отражение и в увлечении физиогномикой. Обнаруживаются многочисленные свидетельства знакомства русского общества с теорией швейцарского философа И.К.Лафатера, в сочинениях которого были предприняты попытки объяснить характер человека по его лицу /"физиогномические фрагменты для поощрения человеческих знаний и любви", 1775-1778, и др./. Отдельные наблюдения Лафатера находят непосредственные параллели в портретных зарисовках Карамзина /повесть "Лиодор", "Письма русского путешественника"/. Стремление научиться "читать в самых тонких, едва-едва приметных оттенках лица сокровенные свойства души человеческой" проявляет А.А.Прокопович-Антонский и другие русские авторы. Однако одновременно появляется скептическое отношение к теории Лафатера, который, по словам Карамзина, "простирает свое умозрение далее надлежащего". В высказываниях Радищева, П.С.Батурина, А.А.Палицына высмеиваются заключения швейцарского философа. Интерес к физиогномике и скепсис по отношению к ней - всё это оказывает непосредственное воздействие на изображение внешности героев в литературе сентиментализма. При создании портрета вырабатывается определенный стереотип, отражающий представления о некоем идеале, воплощающем качества, наиболее привлекательные с точки зрения "чувствительного" человека. Характерен, в частности, постоянный портретный штрих - голубой цвет глаз у героини, что должно было соответствовать ее "кроткой душе", "нежному сердцу". В массовой литературе русского сентиментализма

прочно закрепляется этот образ, варьируемый в сочинениях П.Ю. Львова, Г.П.Каменева, В.М.Первошикова, Я.А.Галинковского и многих других. Показательно, что даже Карамзин внес правку в текст повести "Бедная Лиза": в первой публикации у героини "черные глаза", в последующих - "голубые". Прочие детали словесного портрета также находят соответствия в произведениях русской живописи 1790-х гг. /портреты В.Л.Боровиковского и Д.Г.Левицкого/.

Создание определенного стереотипа в изображении внешности героев ограничивало возможности портрета в искусстве сентиментализма. Однако наиболее талантливые писатели этого направления стремились выйти за привычные рамки, показать нечто особое, неповторимое, свойственное лишь определенному человеку. Всё большее внимания проявляется к жесту, выражению лица, глаз. Излюбленной темой в литературе становится толкование живописных портретов /произведения Карамзина, В.В.Измайлова, М.И.Невзорова/. Появляются разные интерпретации одной и той же картины: оценка, предложенная Карамзиным оспаривается Невзоровым /описание картины Ш.Лебрена, изображающей Магдалину/. Утверждению определенного шаблона в создании портрета начинает противостоять желание преодолеть этот шаблон, создать более индивидуализированный образ.

Интерес к природе в литературе русского сентиментализма так же, как в живописи, развивался в непосредственной связи с вниманием к внутреннему миру человека. Продолжая традиции своих предшественников, писатели нового направления придавали большое значение научному познанию природы /контакты Карамзина с французским естествоиспытателем Ш.Бонне, интерес Муравьева и

Карамзина к сочинениям Ж.-Л.Бюффона и т.д./ . Однако преобладающим в творчестве сентименталистов стал эстетический интерес к природе, который постоянно поддерживался интенсивным развитием садово-паркового искусства в России конца ХУШ - начала ХІХ В. Характерна в этом отношении деятельность А.Т.Болотова.

В подходе к проблеме "человек и природа", присутствовавшей и в искусстве классицизма, акценты меняются: природа помогает человеку лучше проявить и понять самого себя. Природа предстает как идеал "естественности", поэтому она может преобразовать человека, заставить его отказаться от всего ложного, искусственного. Новую притягательность приобретают горацянские темы: восхваление сельской жизни и противопоставление ее городской. Эти излюбленные мотивы сентиментализма часто сопутствуют изображению пейзажа. В духе руссоистских концепций красота природы воспринимается как истинная великая ценность, с которой не сравнимы мнимые блага цивилизации. Соответственно идиллический пейзаж становится самым распространенным, проникая в разные жанры сентиментализма - как стихотворные, так и прозаические. Идиллия превращается в один из важнейших компонентов всей эстетической системы нового направления. В связи с этим в русской литературе идет интенсивный процесс усвоения опыта европейских авторов, обращавшихся к жанру идиллии, прежде всего швейцарского писателя С.Геснера. Принципиальное значение имеет высказывание в анонимной повести "Любим и Лиза" /1803/, в которой героиня восхищается умением Геснера рисовать природу "без примесу искусства". Представление о естественной красоте природы определяет предпочтение английского пейзажного парка регулярно-

му французскому. Однако понятие "живописный пейзаж", то есть заслуживающий изображения, введенное английскими эстетиками, имеет значение и для русских сентименталистов, которым не интересна "натура без прекрасной природы" /выражение В.В.Измайлова/. При описании природы эти авторы во многом продолжают ориентироваться на определенные литературные образцы - соответствующие пейзажи Дж.Томсона, С.Геснера, Ж.-Ж.Руссо. Так же, как и в портрете, возникает определенный стереотип сентиментального пейзажа. Помимо самого распространенного идиллического, в русскую литературу приходит меланхолический пейзаж /обычно ночной, освещенный светом луны/; оссиановский и т.д. Однако варьирование привычных тем, образов и мотивов постоянно обогащалось непосредственными наблюдениями и художников, и писателей. Очень плодотворным в этом отношении явился жанр литературного путешествия /"Письма русского путешественника" Карамзина и "путешествия" по России В.В.Измайлова, М.И.Невзорова, П.П.Сумарокова, В.И.Шаликова/. Пейзажные мотивы, общие для европейской литературы, дополнялись новыми конкретными деталями. Особенно ценны и интересны опыты изображения отечественной природы /украинские и кавказские пейзажи Измайлова; образ родной реки, играющий всё более существенную роль в поэзии и прозе сентименталистов/. Преодолению устоявшихся стереотипов в описании природы помогает соотнесенность с биографией автора, его детскими воспоминаниями. Жизнь природы, как и в европейской литературе, служит непосредственной аналогией человеческой жизни, и времена года приобретают определенную семантику. Отношение к природе "чувствительного" человека конца XVIII - начала XIX в. проявляется сходным образом и

в литературе, и в самой действительности, как показывают сопоставления художественных произведений с материалами документального характера. Используя опыт живописи и садово-паркового искусства, литература в свою очередь помогала их развитию, способствовала эстетическому восприятию природы. Русский образованный человек, воспитанный на культуре сентиментализма, гордился тем, что отношение к природе отличало его от недостаточно просвещенных "старинных помещиков". С этим связывалось и представление об элитарности: наслаждение природой доступно немногим, избранным, обладающим утонченными чувствами. Сословные различия здесь, как правило, не имели значения. Напротив, "любовь к Nature" сентименталисты обнаруживают у людей разных сословий и радуются, замечая ее у простолюдинов. В целом, отношение к природе становится важнейшей чертой в характеристике героя. Умение видеть и ценить ее красоту предстают как свидетельство истинного просвещения, доступного избранным, причастным к духовной элите. Давние споры русских писателей с Руссо получают последовательное завершение: руссоистский призыв вернуться к природе поддерживается, но самое любование природой расценивается как особое искусство, которым владеет лишь по-настоящему просвещенный человек.

В разделе "Роль "исповеди" в раскрытии внутреннего мира "чувствительного" героя" прослеживается, как развивался в русской литературе сентиментализма исповедальный тип повествования. В период расцвета этого направления обнаруживается усиленный интерес к автобиографии. Соответствующие явления в европейской ли-

тературе, особенно "Исповедь" Руссо, привлекают серьезное внимание русских писателей конца XVIII -- начала XIX в. Происходит сложный процесс взаимодействия между литературными и документально-литературными жанрами, связанный со стремлением познать "внутреннего человека". Среди этих жанров, значение которых неоднократно отмечалось современными исследователями /работы Л.Я. Гинзбург, Г.Г.Елизаветиной, Р.М.Лазарчук, П.Е.Бухаркина и др./, особое место принадлежит дневникам. Анализ дневниковых записей Муравьева, дневников и писем И.П.Тургенева и Андрея Тургенева позволяет выявить общие тенденции, характерные и для литературы того времени. Определенные параллели обнаруживаются между дневниками русских литераторов и художественными произведениями, в частности "Дневником одной недели" Радищева. Стремление "объяснить себя" всё отчетливее проявляется в мемуарно-автобиографической литературе, к которой непосредственно примыкают и показания людей, оказавшихся под судебным следствием. В этом аспекте рассматривается "автобиография" беглого крепостного Н.С.Смирнова, отдельные мотивы которой нашли отражение в его позднейшем творчестве.

Исповедальное начало развивается в сочинениях, представляющих собой воспоминания о друге. Немаловажную роль при этом играет возникающий в литературе сентиментализма культ дружбы. Тенденция к усилению лирической тональности прослеживается при рассмотрении нескольких произведений, созданных крупнейшими русскими авторами конца XVIII в.: "Жизни графа Никиты Ивановича Панина" /1784/ Д.И.фонвизина, "жития Федора Васильевича Ушакова" /1789/ Радищева и этюда Карамзина "Цветок на гроб моего Агатона" /1794/.

Рассказ о жизни друга всё теснее сплетается с автобиографическим повествованием. Декларированное в "Исповеди" Руссо намерение "сделать свою душу прозрачной для взгляда читателей" вызывает самый сочувственный интерес у русских литераторов, по-своему продолжающих психологические наблюдения французского писателя. Характерен, в частности, отзыв Н.П.Николева об "Исповеди", соотносимый с представлениями сентименталистов об отражении личности автора в его творчестве.

Развитие исповедального начала в русской литературе имело и национальные традиции, восходящие к агиографическо-автобиографическим жанрам древней Руси. Наиболее яркое выражение эти традиции получили у Радищева в повести о Филарете Милостивом. Используя канву Жития святого Филарета, писатель построил самостоятельное произведение, наполнив его автобиографическими мотивами. В тексте повести выделяется несколько пластов, рассчитанных на разные группы читателей. Большое значение здесь имеет тема "мягкосердия", находящая аналогии в "Путешествии из Петербурга в Москву". Обращение к самоанализу, к наблюдениям психологического порядка сближает повесть о Филарете и с "Дневником одной недели".

"Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях" Д.И. Фонвизина рассматривается как опыт исповедального повествования, основанный и на отечественной традиции, и на руссоистской. Сочинение представляет собой не столько покаяние, сколько попытку объяснить свой характер, свои поступки, выявить их мотивы. Нравственная оценка, постоянно присутствующая в повествовании, непосредственно соотносится с моральными критериями, выдвигаемыми

литературой сентиментализма: "чувствительность" предстает у Фон-визина как положительное качество, присущее людям впечатлительным и способным к состраданию.

В творчестве Карамзина исповедальное начало прослеживается на протяжении почти всей его литературной деятельности. Высоко ценя психологические открытия Руссо и других европейских авторов /К.Ф.Морица, И.Г.Юнга-Штиллинга/, писатель самостоятельно подходит к раскрытию внутреннего мира человека. Соблюдение дистанции между автором и героем — один из существенных принципов Карамзина. Не повествователь, а герои обычно выступают у него в качестве авторов исповеди /Эраст в "Бедной Лизе", "старец" в повести "Остров Борнгольм". Ирония по отношению к современным повествованиям исповедального типа, выраженная в повести "Моя исповедь", направлена не столько против Руссо, сколько против превратно его понявших толкователей и подражателей. Для Карамзина сохраняет первостепенное значение нравственный смысл исповеди, что проявляется в романе "Рыцарь нашего времени", проникнутом автобиографическими мотивами. В целом литература сентиментализма вносит значительный вклад в развитие русской психологической прозы, создает новые традиции, получающие продолжение в XIX в.

В "Заключении" говорится о роли сентиментализма в истории русской культуры. Предпринятое исследование дает возможность рассматривать это направление как целостную систему, отличающуюся определенными эстетическими и творческими принципами. "Чувствительность", центральное понятие в этой системе, сохраняет свое этическое значение и в литературной теории сентиментализма, и в художественной практике связанных с ним писателей.

Тем важнее становится для них борьба с "ложной чувствительностью", компрометирующей направление. Общая гуманистическая направленность литературы сентиментализма находит непосредственное продолжение в русской культуре XIX в., что дает богатые возможности для дальнейших исследований.

Содержание диссертации отражено в следующих работах /общий объем - 65 авт.л., из них 25 авт.л. в печати/:

1. Карамзин и литература сентиментализма // Русская литература и фольклор /XI - ХУШ вв./ . Л.:Наука, 1970, С.351-389.
2. Nikolaj M.Karamzin und K.N.Batjuškov//Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18.Jahrhunderts. Berlin, Akademie-Verlag, 1970.S.419-427.
3. Монография о литературном творчестве Карамзина// Русская литература. Л.: Наука, 1971. № 3. С.225-228.
4. Новая книга о Карамзине // Там же. 1973. № 2. С.241-245.
5. Утверждение жанра в литературе сентиментализма и переход к новым поискам // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С.53-76.
6. Nikolaj Karamzin. Boston: Twayne Publishers, 1975, 154 p. (Prepared for publication in cooperation with Novosti Press Agency (APN) Publishing House. USSR).
7. Немецкие писатели в журнале Новикова "Утренний свет"// Н.И.Новиков и общественно-литературное движение его времени: ХУШ век. Сб.ИИ. Л.: Наука, 1976. С.113-124.
8. Русский сентиментализм: Итоги и проблемы изучения// Русская литература. Л.: Наука, 1978. № 2. С.222-230.

9. Русский сентиментализм /Н.М.Карамзин и его окружение/ // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С.18-37.

10. Карамзин Николай Михайлович // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С.216.

11. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы. Л.: Наука, 1980. Т.1. С.726-764.

12. Формирование исторической концепции Карамзина - писателя и публициста // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII - начало XIX в. XVIII век. Сб.13. Л.: Наука, 1981. С.132 - 155.

13. Трагедия и сентиментальная драма начала XIX в. // История русской драматургии: XVIII - первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С.181-220.

14. Герой русского сентиментализма. I. Чтение в жизни "чувствительного" героя // Русская литература XVIII - начала XIX века в общественно-культурном контексте: XVIII век. Сб.14. Л.: Наука, 1983. С.121-142.

15. Сентиментализм и Просвещение /О преемственности идей в русской литературе конца XVIII - начала XIX века // Русская литература. Л.: Наука, 1983. № 4. С.22-37.

16. "Исповедь" в русской литературе конца XVIII в. // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С.71-99.

17. Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой: XVIII век. Сб.15. Л.: Наука, 1986. С.70-96.

18. Karazin und Lomonosov // Literaturbeziehungen im

18. Jahrhundert. Berlin: Akademie-Verlag, 1986.S.297-307.

19. М.В.Ломоносов в оценке русских писателей-сентименталистов // Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987, С.267-280.

20. Статьи: Аргамаков А.В., Багрянский М.И., Бахтин И.И., Богданович И.Ф., Болтина Е.Ф., Витовтов А.А., Гагарин Г.И., Гагарин Г.Д., Гагарин П.Г., Гагарин П.С., Грибовский А.М., Даниловский Н.И. // Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. I. А-И.

21. А.М.Грибовский как литератор XVIII века // Zeitschrift für Slawistik (Berlin). 1988, N 6.S.843-853.

22. Проблемы изучения литературы русского сентиментализма // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века: XVIII век. Сб. I6. Л.: Наука, 1989. С.32-44.

23. Русская лирика XVIII века // Русская литература. Век восемнадцатый: Лирика. М.: Художественная литература, 1990, С.5-23.

24. Идеи народности в русской литературе сентиментализма // Идеи народности в русской литературе /печатается в изд. "Наука", I авт. л./.

25. Проблема "ложной чувствительности" в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. I7 /печатается в изд. "Наука", I авт. л./.

26. Два издания "Московского журнала" Карамзина // Карамзинский сборник /печатается в изд. "Наука", I авт. л./.

27. Тема "золотого века" в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. I8 /печатается в изд. "Наука", I,5 авт. л./.

28. Литература русского сентиментализма /Эстетические и творческие искания/. Отв. ред. А.М. Панченко /печатается в изд. "Наука", 20 авт. л./.

Н.И. Мухоморова